

Оригинальная статья

УДК 81'42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-101-116>

Интерпретация концепта FEAR в политическом миграционном дискурсе

**Екатерина Олеговна Зубарева¹, Светлана Викторовна Шустова²✉,
Алина Геннадьевна Гавшина³**

^{1, 2, 3}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹fialka21-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>

²✉lanaschust@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>

³gavshina_000q@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5260-3775>

Введение. Рассматривается концепт FEAR как особый, эмоционально-психологический инструмент в сфере миграционной политики. Актуальность работы связана с тем, что исследование проводится в рамках миграционной лингвистики, в задачи которой входит изучение миграционного дискурса, миграционной политики и особенностей ее языковой реализации, а также малой изученностью англоязычного политического миграционного дискурса. Цель статьи – исследовать семантический потенциал лексемы *fear*, выявить актуальные семантические компоненты ее значения в политическом миграционном дискурсе, а также проиллюстрировать особенности трансляции англоязычного политического миграционного дискурса на русский язык. Лексема *fear* является актуализатором одноименного концепта.

Методология и источники. В качестве основных методов исследования были использованы интерпретация, категоризация, систематизация и контекстуальный анализ. Материалом для работы послужила статья Gundogmus B., Mete M. «The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment». Исследование опирается на теоретические работы в области концептологии, дискурсологии и миграционной лингвистики.

Результаты и обсуждение. Миграция оказывает огромное влияние на межкультурное общение, тесно связана с политической и языковой безопасностью, лингвотолерантностью и лингвистической дискриминацией, что обуславливает интерес к миграционной лингвистике. В статье рассмотрены основные задачи миграционной лингвистики, дано определение миграционному дискурсу в аспекте интерферентности и институциональности, раскрыта жанровая структура миграционного дискурса. В работе обоснована позиция включения исследуемого концепта в концептосферу миграции. В статье представлены актуальные семантические компоненты лексемы *fear*, не зафиксированные в лексикографических источниках. Все компоненты разделены на две большие группы: общая и политическая (власть и миграция). Также выявлены и проиллюстрированы контекстуальные синонимы и рассмотрены основные трудности перевода политического миграционного дискурса.

Заключение. В результате исследования выявлено 24 актуальных семантических компонента, функционирующих в политическом миграционном дискурсе. Концепт FEAR рассматривается как инструмент формирования миграционной политики, цель

© Зубарева Е. О., Шустова С. В., Гавшина А. Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

которой – вызвать у граждан чувство страха и недоверия к мигрантам, что приводит к ужесточению миграционной политики и снижению уровня толерантности. Среди особенностей перевода политического миграционного дискурса можно выделить частое использование таких переводческих трансформаций, как антонимический перевод, грамматические и контекстуальные замены и технические приемы.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, миграционная лингвистика, миграционный дискурс, политический миграционный дискурс, семантический компонент

Для цитирования: Зубарева Е. О., Шустова С. В., Гавшина А. Г. Интерпретация концепта FEAR в политическом миграционном дискурсе // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 101–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-101-116.

Original paper

Interpretation of the Concept FEAR in Political Migration Discourse

Ekaterina O. Zubareva¹, Svetlana V. Shustova²✉, Alina G. Gavshina³

^{1, 2, 3}Perm State University, Perm, Russia

¹*fialka21-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>*

²✉*lanaschust@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>*

³*gavshina_000q@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5260-3775>*

Introduction. The article is considered the concept FEAR as a special emotional and psychological tool in the field of migration policy. The relevance of the work is related to the fact that the research is conducted within the framework of migration linguistics, the tasks of which include the study of migration discourse, migration policy and the specifics of its linguistic implementation, as well as the low level of study and development of the English-language political migration discourse. The purpose of the article is to explore the semantic potential of the lexeme fear, identify the relevant semantic components of its meaning in political migration discourse. The lexeme fear is an actualizer of the same name concept.

Methodology and sources. Interpretation, categorization, systematization and contextual analysis were used as the main research methods. The material for the work was an article by B. Gundogmus, M. Mete “The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment”. The research is based on theoretical work in the fields of conceptology, discursology and migration linguistics.

Results and discussion. The article was examined the main tasks of migration linguistics, defines migration discourse in terms of interference and institutionality, and revealed the genre structure of migration discourse. The paper also was substantiated the position of including the concept under study in the migration conceptsphere. The article was presented the actual semantic components of the lexeme fear, which are not recorded in lexicographic sources. All components were divided into two large groups: general and political (power and migration).

Conclusion. As a result of the research, 24 relevant semantic components functioning in the political migration discourse have been identified. The concept FEAR is considered as a tool for shaping migration policy, the purpose of which is to cause citizens to feel fear and distrust of migrants, which consequently leads to a tightening of migration policy and a decrease in the level of tolerance.

Keywords: concept, conceptsphere, migration linguistics, migration discourse, political migration discourse, semantic component

For citation: Zubareva, E.O., Shustova, S.V. and Gavshina, A.G. (2025), "Interpretation of the Concept FEAR in Political Migration Discourse", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 101–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-101-116 (Russia).

Введение. Понятия «политика» и «миграция» тесно связаны между собой. Различные политические события, экономический кризис в стране, стихийные бедствия неизбежно приводят к увеличению миграционных потоков. Мигранты спасаются от последствий политических катаклизмов или стремятся реализовать свой трудовой потенциал в странах, где экономика более развита. Известно, что государство использует различные инструменты и средства в области миграционной политики. Среди таких инструментов можно выделить особый, так называемый психологический инструмент, например, пробуждение у людей определённых эмоций, в том числе страха. Этот метод является не таким очевидным, поскольку государство действует на сознание людей, пытаясь манипулировать и управлять решениями граждан имплицитно. Это тонкое, зачастую скрытое воздействие не всегда просто распознать.

Актуальность работы связана, во-первых, с тем, что миграция – это мировой процесс, набирающий обороты в настоящее время в связи с глобализацией, а также постоянный круговорот территориальных перемещений населения, который отражается на всех уровнях жизни общества; во-вторых, работа выполняется в рамках направления миграционной лингвистики, в задачи которой входит изучение миграционного дискурса, миграционной политики и особенностей ее языковой реализации, ключевых категорий, связанных с миграционными процессами; в-третьих, налицо малая изученность и разработанность англоязычного политического миграционного дискурса. Цель – исследование семантического потенциала лексемы *fear*, выявление актуальных семантических компонентов ее значения в политическом миграционном дискурсе, а также представление особенностей трансляции англоязычного политического миграционного дискурса на русский язык. Теоретическая и практическая значимость определяется как вклад в развитие теории и методологической базы миграционной лингвистики, возможность использования результатов исследования в дисциплинах «Актуальные проблемы лингвистики», «Миграционная лингвистика», «Язык и глобализация» и др.

Методология и источники. В качестве основных методов исследования были использованы интерпретация, категоризация, систематизация и контекстуальный анализ. Материалом для работы послужила статья Gundogmus B., Mete M. «The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment», объемом 63 486 печатных знаков без пробелов, опубликованная в 2024 г. [1]. Исследование опирается на теоретические работы в области когнитивной лингвистики, дискурсологии и миграционной лингвистики.

Результаты и обсуждение. Миграция как процесс уже довольно хорошо изучена с точки зрения социологии, демографии, политики, права, экономики. Поскольку миграция оказывает огромное влияние на межкультурное общение, связана с такими категориями, как лингвотолерантность, речевая агрессия и языковая безопасность, то вполне логично, что в настоящее время активно развивается миграционная лингвистика. К задачам миграционной лингвистики относятся: моделирование миграционного дискурса, формирование базовых категорий миграционной лингвистики, разработка системы методов миграционной лингвистики [2, с. 7–8]. Учитывая возросший в последнее время интерес к теме миграции, можно

выделить миграционный дискурс как самостоятельный вид дискурса. Актуальность изучения миграционного дискурса подтверждается повышенным к нему вниманием в последние десятилетия как отечественных, так и зарубежных исследователей [3–7].

Миграционный дискурс рассматривается как «вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные практики, социальные агенты, участники, вовлечённые в социальные события» [8, с. 120]. В миграционном дискурсе выделяются социальные участники, т. е. социальные агенты первичной социализации: семья, родители, родственники, и вторичной социализации: руководители учреждений, официальные представители государства и его органов, иммиграционная служба, управление по вопросам миграции. По словам С. В. Шустовой, «ключевой социальный участник миграционного дискурса – это мигрант» [8, с. 121]. Т. А. ван Дейк определяет миграционный дискурс как сложную структуру, включающую лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты. Также он подчёркивает, что миграционный дискурс – это не только о миграции, но и составная часть миграции [9, с. 230]. Согласно концепции В. З. Демьянкова, дискурс «концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки...» [10, с. 7]. Соответственно, можно сделать вывод, что опорным концептом миграционного дискурса выступает концепт МИГРАЦИЯ. Миграция, в свою очередь, затрагивает всевозможные сферы общества (политика, экономика, религия, искусство и т. д.), поэтому можно предположить, что «миграционный дискурс представлен огромным количеством сопутствующих концептов» [2, с. 11]. МИГРАЦИЯ и МИГРАНТ – самые очевидные концепты миграционного дискурса, поэтому они уже довольно хорошо изучены [11]. Как уже отмечалось, миграционная лингвистика – новое научное междисциплинарное направление, поэтому возможные концепты миграционного дискурса пока не обозначены, и концептосфера миграции продолжает разрабатываться. Миграция часто связана с политической безопасностью, формированием настроений членов титульной нации по отношению к иностранным гражданам. Авторы считают, что концепты СТРАХ и FEAR можно отнести к концептосфере миграции, так как они актуализируются в качестве скрытого инструмента власти, в том числе в сфере миграционной политики.

В. И. Мукомель утверждает, что «взаимопроникновение, коммуникации между различными дискурсами... присущи западной традиции, но не российской: массмедийный, чиновничий, политический и академический дискурсы о миграции и миграционной политике существуют изолированно» [12, с. 57]. Т. А. ван Дейк считает, что миграционный дискурс включает в себя множество дискурсивных жанров, каждый из которых относится к определённому аспекту миграции как социального и политического феномена. Исследователь выделяет следующие жанры миграционного дискурса: медийный, политический, юридический, административный, социальный и др. [9, с. 230–233]. Таким образом, можно говорить не просто о миграционном дискурсе, а о политическом миграционном дискурсе.

Авторами выделено 36 примеров из статьи, в которых раскрываются актуальные семантические компоненты лексемы *fear*. Эти семантические компоненты разделены на две группы:

1. Общая (15 примеров).

2. Политическая (внутри этой группы дополнительно выделяются две подгруппы): власть (14 примеров) и миграция (7 примеров).

Следует уточнить, что к общей группе относятся семантические компоненты, которые не вошли в политическую группу, но являются весьма важными для целостного понимания сущности исследуемого концепта в политическом миграционном дискурсе. Также авторы акцентируют внимание на трудностях и особенностях, с которыми столкнулись во время перевода примеров политического миграционного дискурса при интерпретации лексемы *fear*. Рассмотрим каждую группу более подробно.

1. Общая группа

1.1. Условие существования

1.1.1. Шанс на выживание: «*Fear, as an emotion that prepares a person for any situation, increases the probability of survival by keeping its owner away from dangerous situations*» (Страх – эмоция, готовящая человека ко всему – увеличивает шанс выживания, удерживая своего обладателя подальше от опасных ситуаций)¹. Интерпретация лексемы *fear* выражается в том, что эта эмоция спасает от неприятных и опасных ситуаций, она помогает выжить и избежать в дальнейшем чрезвычайных ситуаций. В этом предложении авторы используют генерализацию: слово *person*, хоть и употребляется в единственном числе, но означает множество людей. Использование местоимения *any* в словосочетании *any situation* подчеркивает обобщенность и распространенность страха.

1.1.2. Условие продолжения рода: «*The explanation for the origin of fear in the biological process is simple: a creature without fear cannot continue its species*» (С биологической точки зрения, объяснение зарождения страха элементарно: существо, лишенное страха, не может продолжить свой род). Пример демонстрирует важный семантический компонент лексемы *fear*. Человек не может существовать и жить, не испытывая страха. Использование слова *creature* в единственном числе носит генерализованный характер, с точки зрения перевода этого предложения использована перестановка, фраза *с биологической точки зрения* поставлена в начало предложения, благодаря чему смещается фокус внимания читателя на главный аспект интерпретации лексемы *fear*.

1.1.3. Условие развития: «*It is possible to build cities, houses, weapons and even laws on fear (Svendsen, 2021)*» (На страхе можно строить города, дома, оружие и даже издавать законы (Свендсен, 2021)). Складывается впечатление, что можно построить целое государство на страхе. При переводе в целях адаптации под русскоязычный узус и логичной интерпретации лексемы *fear* был изменён порядок слов в предложении.

1.1.4. Неотъемлемая часть живого существа и мира: «*It is important to read Mannoni's (Mannoni, 1992) rhetorical account of the ubiquity of fear, which is close to Aristotle's, noting that animals undoubtedly recognize fear, but that what they see as fear falls short of what humans know as fear: "Fear arises or makes itself felt in situations that are in its favor. It is aroused by the near as well as the far, by the new as well as the old, it settles among the waves and in the clouds, haunts the forests, lives in the darkness and does not shrink from the light of day. Whether subtle or persistent, there is no period and no place without it. But beyond this general diffusion, fear finds its true home in the human heart, or rather in the human mind: it is here that its powers are fully appreciated"*» (Следует прочитать риторический рассказ Маннони (Маннони, 1992) о везде-

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

сущности страха, что близко аристотелевским работам. В рассказе упоминается, что животные, безусловно, опознают страх, но их понимание страха уступает человеческому: «Страх порождается или дает о себе знать в ситуациях, складывающихся в его пользу. Он возбуждается близким и далеким, новым и старым, он поселяется среди волн и в облаках, бродит по лесам, он живет в темноте и не чурается дневного света. Трудно уловимый или настойчивый, он всегда и везде. Опустив это многословие, можно сказать, что страх находит свой истинный дом в человеческом сердце, или, скорее, в человеческом разуме. Именно здесь его сила осознается в полной мере»). В этом примере широко и метафорично раскрывается значение лексемы *fear*. В цитате Маннони страх предстаёт перед нами как *живое существо*, автор использует олицетворение: «*Fear arises or makes itself felt in situations that are in its favor; ...fear finds its true home in the human heart...*» Он подчеркивает и *вездесущность* страха, используя антитезы и повторение: «*It is aroused by the near as well as the far, by the new as well as the old, it settles among the waves and in the clouds, haunts the forests, lives in the darkness and does not shrink from the light of day*». Использование существительных во множественном числе: *situations, the waves, the clouds, the forests, powers*, отвлеченных прилагательных с абстрактным значением *the new, the old, the near, the far*, абстрактных существительных *the darkness, the light, period, place, powers* также создаёт ощущение всеобщности и всеохватности. Первое предложение оказалось, пожалуй, самым трудным с точки зрения перевода. Во-первых, предложение весьма развернутое и длинное, во-вторых, содержит в себе цитату. В цитируемом тексте чувствуется уже другая «энергия» другого автора, используются более литературные и метафоричные выражения, текст визуально похож на художественный, поэтому важно «переключиться» с одного стиля на другой. Мы разделили это большое предложение, так как при переводе целого предложения было бы труднее сохранить смысл и согласованность. Трудность трансляции лексемы *fear* на русский язык возникла во фразе *but that what they see as fear falls short of what humans know as fear*. При первой интерпретации этого выражения перевод будет примерно таким: «их [животных] понимание страха сильно отличается от понимания страха людьми», но если мы обратим внимание на выражение *falls short of...*, то обнаружим, что оно означает *не оправдывать ожиданий, не достигнуть цели, быть меньше (чего-то)* [13]. Таким образом, при переводе нам важно было передать не только значение *отличаются друг от друга*, но и *один хуже другого*. В связи с этим принято решение перевести фразу как «...но их понимание страха уступает человеческому». Во фразе *fear arises or makes itself felt in situations that are in its favor* первым вариантом перевода *makes itself felt* было «чувствуется», но после анализа разных вариантов переводов в словарях был найден более подходящий вариант – *дает о себе знать*, так как он в какой-то степени «оживляет» *fear*, а в цитате Маннони *fear* предстает как живое существо, и мы сохраняем олицетворение. В следующем контексте *...and does not shrink from the light of day* нас заинтересовал перевод слова *shrink*. В словарях даются значения: *уменьшаться, садиться, сжиматься, съёживается, удаляться, исчезать* [13]. Поскольку в этой части предложения говорится о вездесущности страха, то, скорее всего, автор имеет в виду, что *fear* «и живет в темноте, и не боится дневного света», и нам нужно передать ту же экспрессивность, поэтому для перевода мы остановились на варианте *не чурается дневного света*. Во фразе *whether subtle or persistent, ...* перед нами стояла задача выбрать из обшир-

ного ряда значений этих прилагательных наиболее подходящие. В словарях приведены значения *subtle*: тонкий, неуловимый, нежный, хитроумный, ловкий, едва различимый, изысканный, коварный, изворотливый; ненасыщенный, негустой; а слово *persistent* определяется как: стойкий, постоянный, настойчивый, устойчивый, упорный, непрекращающийся [13]. Необходимо обратить внимание на контекст союза *and* между этими прилагательными, а также на часть предыдущего предложения, где следуют регулярные противопоставления: *by the near as well as the far, by the new as well as the old*. Это означает, что эта фраза логически должна продолжать противопоставление, поэтому нужно выбрать максимально противоположные по смыслу слова. Во-вторых, автор продолжает описывать страх, поэтому при выборе следует опираться на описание страха как живого существа. Учитывая эти нюансы выбран соответствующий перевод «трудно уловимый или настойчивый». Отметим, что при переводе фразы *...there is no period and no place without it* мы использовали антонимический перевод, а отрицание заменили на утверждение: «он всегда и везде».

1.2. Эмоция, снижающая умственную активность: «*Although biochemically emotions have no significant difference in animal physiology, just as fear and anger have the same biochemical effects (Reddy, 2001), compared to other emotions, fear reduces the human mind's ability to develop counter-alternatives*» (Хотя в биохимическом плане эмоции не имеют существенных различий в физиологии животных, как страх, так и гнев обладают одинаковыми биохимическими эффектами (Редди, 2001), но по сравнению с другими эмоциями страх снижает способность человеческого разума вырабатывать альтернативные решения). В предложениях выражается идея: страх мешает человеку принимать быстрые и адекватные решения, человек не способен разумно мыслить под влиянием этой эмоции.

1.3. Социальная составляющая

1.3.1. Предмет социальных наук: «*In this study, firstly, the biological and physiological basis of the emotion of fear is expressed, and the arguments for fear as a subject in social sciences are put forward by utilizing the literature*» (В этом исследовании, во-первых, выражаются биологические и физиологические основы страха, и, во-вторых, с использованием разных источников, приводятся аргументы в пользу того, что страх является предметом социальных наук). В первой части предложения лексема *fear* используется в словарном значении [14], а во второй части мы видим новый семантический компонент: автор определяет страх как предмет социальных наук. При переводе фразы *...of the emotion of fear* решено опустить слово «эмоции», страх – это и есть эмоция.

1.3.2. Эмоция, формирующаяся в результате социальных изменений: «*All emotions, including fear, are shaped not only as physiological and biological outputs but also under the influence of the social*» (Все эмоции, включая страх, формируются не только вследствие физиологических и биологических процессов, но в том числе и социальных). Существительные во множественном числе (*emotions, outputs*) вновь придают обобщенное значение, поэтому в названии компонента также отражаем множественность.

1.3.3. Эмоция, объединяющая людей: «*In this metaphor, it is significant that fear is the power of the ship, holding the passengers and crew together*» (В этой метафоре важно подчеркнуть, что страх является силой корабля, поскольку он сплачивает пассажиров и экипаж). Отметим, что в этом примере страх приравнивается к силе, *power* выступает как контекстуальный синоним.

При переводе мы обратили внимание на слово *to hold*: *удерживать, останавливать, сохранять контроль, вмещать, содержать в себе* [13]. Этот глагол используется в сочетании с наречием *together* и приобретает другое значение: *скреплять, быть сплоченными, едиными*. Считаем, что необходимо употребление глагола в активном залоге, поскольку действующее лицо в предложении – страх, поэтому для перевода выбираем вариант «сплачивает».

1.3.4. Эмоция, разделяющая общество: «*It would not take us too far to say that the process of determining “who rules and who must obey” is based on fear*» (Не будет преувеличением сказать, что процесс определения того, «кто управляет» и того, «кто должен подчиняться», основывается на страхе). «*In this way, the power has the power to decide who will be the other and who will be excluded from the category of the other by using fear and uncertainty*» (Таким образом, власть имеет право решать, кто будет «другим» и кто будет исключён из категории «других», используя страх и неуверенность). При переводе первого предложения используется грамматическая замена «не будет преувеличением сказать, что...», в целях экономии и адаптации к русскоязычному узусу. Отметим интересный момент лексического повтора во втором примере *the power has the power to decide*, в переводе повтор не сохраняется и предлагается вариант «власть имеет право решать».

1.3.5. Социальный триггер: «*When expressed as doubt experienced in interpersonal relationships (Knobloch & Solomon, 1999), uncertainty eliminates clarity in communication and transforms uncertainty into fear as a social trigger*» (Выражаясь в виде сомнения в межличностных отношениях (Кноблук & Саломон, 1999), неопределенность устраняет ясность в общении и превращается в страх как социальный триггер). *Социальный триггер* выступает как контекстуальный синоним. Интересно, что одним из первых, кто использовал понятие «триггер» в области социальных наук, был Ч. Кули, он определяет триггер как возбудимость или вспыльчивость [15, с. 334]. В настоящее время всё большую популярность приобретает понятие «эмоциональный триггер», что означает «автоматические эмоциональные реакции, возникающие в ответ на какое-либо событие. Любое событие служит спусковым крючком, который запускает определенную эмоциональную реакцию» [16, с. 15]. Отталкиваясь от этого определения, мы приходим к выводу, что это эмоция, возникающая у человека в ответ на внешние раздражители, и государство может намеренно создавать триггеры, вызывая подходящие события.

1.3.6. Орудие для создания хаоса: «*Fear is a very useful tool for power to create chaos and for the spaces created by chaos*» (Страх – это очень полезный инструмент власти для создания хаоса, и для пространств, сотворенных хаосом). С помощью страха государство создает волнения и переживания в обществе. Невозможность рационально мыслить ведет к необдуманным действиям, теряется чувство контроля, и человека охватывает чувство неопределенности, он больше не уверен в своем будущем, в счастливом будущем своей страны, что приводит к глобальному хаосу.

1.3.7. Эмоция, заполняющая пустоту в обществе: «*Without exception, every power fills a void in society, which is where Berle (1980) explains in his book on power that power and fear have something in common*» (Без исключения каждая сила заполняет пустоту в обществе, и именно здесь, по мнению Берли (1980), сила и страх имеют что-то общее). Когда общество морально разлагается, оно теряет способность мыслить и чувствовать, в нем появляется пу-

стота, государство стремится заполнить ее исходя из своих целей. Сила вновь выступает как контекстуальный синоним, сила и страх – самые удобные инструменты, так как общество наиболее уязвимо под их воздействием.

2. Политическая группа

2.1. Власть

2.1.1. Неотъемлемый компонент политики: «*The limits of this study cover the politics of fear rather than discussing fear as an emotion*» (Рамки этого исследования охватывают скорее политику «устрашения», чем саму эмоцию). «*It is not possible for an emotion that is so effective in the formation of society not to have a unique place in the political order*» (Невозможно, чтобы эмоция, столь эффективная в управлении обществом, не занимала особого положения в политике). Выражение *politics of fear* говорит о том, что *fear* действительно является компонентом политики, ее инструментом управления обществом. С помощью указательного местоимения *so* в данном предложении акцентируется внимание на эффективности страха в управлении обществом, следовательно, страх – это неотъемлемый элемент политики, обеспечивающий мощь и власть. Более того, страх занимает особое положение (*unique place*), что еще раз подчеркивает его значимость в политике.

2.1.2. Психологический инструмент управления: «*Fear is an emotion that has been instrumentalized throughout history as a powerful catalyst in directing societies through its effect on human psychology*» (Страх – это эмоция, которая на протяжении всей истории использовалась в качестве мощного катализатора в управлении обществом посредством воздействия его на психологию человека). Использование Present Perfect Continuous для заострения внимания на длительности этого процесса и на том, что он ещё продолжается, абстрактные существительные *an emotion, a catalyst, psychology*, а также существительные во множественном числе – *societies* (при переводе на русский язык используется грамматическая замена числа, так как для русскоязычного читателя это более привычный вариант) – подчеркивает вездесущность процесса. Интересно отметить, что автор статьи использует стилистический прием сравнения и тем самым рассматривает «мощный катализатор» как контекстуальный синоним страха.

2.1.3. Инструмент манипулирования общественным мнением: «*To the extent that society is subjected to the fear imposed by the power, it is channeled to areas that are the opposite of the fear pointed out in order to “survive”*» (В той же степени, в какой общество подвергается страху, вызванному властью, оно направляется в сферы, противоположные страху и направленные на «выживание»). В этом предложении раскрывается следующая мысль: государство вызывает в обществе необходимый ему уровень страха, после этого, общество «направляется» в нужные сферы. Общество поступает так, как это нужно для государства, человеку лишь кажется, что выбирает он, а на самом деле ситуация совершенно другая, нежели он себе ее представляет. Безусловно, государство играет огромную роль в формировании мнения общества. Вследствие страха люди начинают выполнять такие действия и принимать такие решения, каких они не стали бы делать, будучи в спокойном состоянии или обусловленные собственным желанием.

2.1.4. Инструмент легитимизации: «*According to Çetin (2012), the legitimacy crisis is tried to be eliminated through fear*» (Согласно Четину (2012), кризис легитимности пытаются устранить с помощью страха). В примере используется выражение *the legitimacy crisis*.

Обратимся к словарю: кризис легитимности – ситуация, в которой правомерность существующего социального порядка подвергается сомнению и открыто выражается недоверие к существующей власти [17]. Следовательно, в примере указывается, что с помощью страха предпринимаются попытки устранить или снизить недоверие к власти, повысить ее легитимность. Автором приводится мысль, что страх узаконивает отношения между властью и подчиненными; страх заставляет людей подчиняться даже против их воли, принимать существующую систему в государстве; страх минимизирует возникновение восстаний, неповиновений; люди боятся признать принятое государством решение незаконным, тогда они предпочитают просто принять его. В процессе наименования данного семантического компонента возникли трудности с разграничением понятий *легитимность* и *легитимизация*. Обратимся к толковому словарю: легитимность – это свойство по значению прилагательного «легитимный»; в свою очередь «легитимный» – законный; общественно признанный [18, с. 89]. Легитимизация – действие по значению глагола *легитимизировать*; в то время как *легитимизировать* – узаконивать какое-либо право, чье-либо полномочие и т. п.; признавать, подтверждать правомочность выборных структур, организаций и т. п. [18, с. 88]. Таким образом, легитимность – это свойство, а легитимизация – процесс. Страх сопровождает процесс узаконивания, соответственно нам подходит вариант *легитимизация*.

2.1.5. Инструмент формирования политических отношений: «*The first step in the formation of power relations is fear*» (Первый шаг к формированию политических отношений – страх). Стоит обратить внимание на то, что автор называет страх *первым шагом* к формированию политических отношений. Возможно, это связано с врожденным чувством страха человека относительно всего «чужого» или тем, что в истории сильные государства захватывали слабые территории и устанавливали свою власть. Благодаря страху зарождались политические отношения «власть – подчинение». Рассматривая современные реалии страх можно связать с перспективой новой войны. Ощущая этот страх, государства принимают соответствующие решения, чтобы не допустить этого, что и обуславливает политические взаимоотношения.

2.1.6. Инструмент, скрывающий недостатки власти: «*For instance, the ruler can reflect his/her responsibility for his/her inadequacy in any issue by activating the instrument of fear*» (Например, с помощью страха правитель может обратить свои недостатки в положительный исход). «*Fear, which gives the rulers a lot of freedom for political actions, can become a refuge for the negativities in governance*» (Страх, дающий правителям свободу политических действий, может стать убежищем для отрицательных сторон управления). В этих примерах *fear* предстает перед нами как убежище, а благодаря олицетворениям (*fear...gives a lot of freedom, can become a refuge; fear provides political space...by shifting the focus*), страх представляется как некое существо, которое оберегает власть, скрывает ее недостатки и даже преобразует их в другие, выгодные государству исходы. Использование неопределенного местоимения *any* усиливает мысль о том, что с помощью страха можно превратить недостатки власти в любой подходящий для государства исход.

2.1.7. Инструмент власти, уничтожающий способность рационального мышления: «*Power takes advantage of the loss of rational abilities and attention to reality that fear creates in people*» (Власть использует в своих интересах потерю рациональных способностей и внимания к реальности, порождаемую страхом). Мы уже выделили в общей группе семантический компо-

нент «эмоция, снижающая активность умственной деятельности». В данном примере указывается, что государство отлично понимает и активно использует это в проведении политики.

2.2. Миграция

2.2.1. Инструмент, формирующий миграционную политику: «*Fear, and nowadays fear of migrants, is an active emotion in political decision-making processes and the politics of this emotion plays an active role in determining the political conjuncture of countries*» (Страх, а сегодня ещё и страх перед мигрантами, активно используется в процессе принятия политических решений, и политика этой эмоции играет важную роль в определении политической конъюнктуры стран). Повторяющееся прилагательное *active* в словосочетаниях *active emotion*, *active role* подчеркивает то, что страх – это важная и часто используемая эмоция в политике. Словосочетание *politics of this emotion* помогает нам понять, что в государстве даже существует специальная политика, которая проводится с целью вызвать страх у населения. Пример показывает, что страх используется для формирования определенной позиции государства в отношении мигрантов.

2.2.2. Инструмент создания негативного образа мигранта: «*Migration movements that take place for reasons such as political and social processes and geographical conditions are included in the politics of fear by presenting migrants in target countries as a threat to economic stability, national security, nation-state, and cultural identity*» (Миграционные потоки, возникающие по политическим и социальным причинам, а также из-за географических условий, включаются в политику «устрашения» и представляют иммигрантов в целевых странах как угрозу экономической стабильности, национальной безопасности, культурной самобытности). Говоря о миграциях, автор использует существительные множественного числа *movements, reasons, processes, conditions, migrants, concerns, preferences*, абстрактные существительные: *stability, security, nation-state, identity, the future*, тем самым сообщая, что данное явление широко распространено по всему миру. В этих примерах *fear* предстает перед нами как инструмент государства для создания негативного образа мигранта. С точки зрения перевода, интересно выражение *migration movements*: слово *movement* определяется как: 1) *an act of moving from one place to another or of moving something from one place to another*; 2) *a group of people who share the same ideas or aims* [19]. С одной стороны, выражение *миграционные потоки* можно рассматривать как географическое перемещение мигрантов, а с другой – как особое движение, члены которого объединены общей целью и ценностями. Интересно, как меняется восприятие предложения, если принять во внимание оба примера по очереди. В первом случае получается, что территориальные перемещения мигрантов входят в политику «устрашения» государств, представляя мигрантов в глазах страны как угрозу для экономики, безопасности и т. д. Во втором же случае получается, что *движение мигрантов* (их движение за свои права, например, по аналогии с *the labour movement*), включено в политику «устрашения» государства. Здесь мигранты представляются как люди, борющиеся за свои права, и этим государство может устрашать население. Обратимся к еще одному составному существительному (*compound noun*) – *Target country*. В нашем случае это страны, в которых проводится политика «устрашения». В словаре даются следующие определения *target*: *a result that you try to achieve; an object, a person or a place that people aim at when attacking* [19]. Исходя из контекста, лучше всего подходит второе значение, тогда само

выражение «...by presenting migrants in target countries...» приобретает интересный семантический оттенок: государство «атакует» свою страну сообщениями о том, что мигранты – это угроза для национальной безопасности, экономической ситуации и т. д.

2.2.3. Инструмент манипулирования обществом, основанный на формировании негативного отношения к мигрантам: «*This is because actors try to bring about behavioral and thought changes in the target audience regarding the fear of migrants*» (Это происходит потому, что политики пытаются изменить поведение и мышление целевого государства, внушая страх перед мигрантами). Этот семантический компонент – результат объединения компонентов *Инструмент манипулирования общественным мнением* и *Инструмент создания негативного образа мигранта*. В примере *fear* – орудие, к которому прибегают политики, чтобы изменить восприятие гражданами целевого государства мигрантов. Было решено выделить этот семантический компонент отдельно, поскольку компонент *Инструмент создания негативного образа мигранта* дополняет компонент *Инструмент манипулирования общественным мнением*, мы понимаем, что манипуляция происходит именно с помощью формирования негативного образа мигранта, а не каким-либо иным способом. Перевод слова *actors* можно рассмотреть в двух аспектах: *a person or an organization that is involved in or important in politics, society, etc. in some way because of their actions* [20]; *a person who plays a part, pretending by their behaviour to be a particular kind of person* [19]. Таким образом, *actors* могут быть как отдельными лицами (политиками), так и организациями (государствами). Это значение тоже важно, поскольку в примере также упоминается *audience: a number of people or a particular group of people who watch, read, or listen to the same thing* [19]. Возможно, автор статьи использовал игру слов, чтобы показать политиков как актеров, играющих свои определенные роли, притворяющихся другими людьми, а жителей государства – как их «зрителей». Было решено оставить вариант *политики*, исходя из контекста: например, в предыдущем предложении различные манипуляции проводятся властями.

2.2.4. Политический инструмент против мигрантов: «*The common feature of today's politics of fear globally is that it is directed against migrants, which is a global topic of debate*» (Главной особенностью нынешней политики «устрашения» во всем мире является то, что она направлена против мигрантов и является глобальной темой для дискуссий). В данном примере четко оговаривается направленность политики против мигрантов, а также глобальность этой темы (нарекание *globally* и прилагательное *global*).

2.2.5. Инструмент для успешной выборной кампании, основанный на действиях, ограничивающих миграционные потоки: «*By utilizing different methods of political communication such as propaganda, governments, political leaders and parties impose fear of migrants on the society and lead people to accept their policies and try to secure the support of the masses in the elections*» (Используя различные методы политической коммуникации (например, пропаганду), правительства, политические лидеры навязывают обществу страх перед мигрантами и заставляют людей принять их политику, а также заручаются поддержкой масс на выборах). В этом примере примечательны выражения *political communication, propaganda, the support of the masses*, которые означают взаимодействия власти с обществом, направленные на формирование определённого мнения. «*In addition, the arguments of fear of immigrants in shaping political policies and elections are listed from a psychopolitical perspective*» (К тому же

аргументы страха перед иммигрантами, влияющие на формирование политического курса и проведение выборов представлены с психополитической точки зрения). В данных примерах мы видим, что страх и политика «устрашения» мигрантами используются политиками как некий залог успеха в предвыборных и выборных кампаниях. Формируя мнение граждан таким образом, что мигранты рассматривались как угроза для государства, и принимая разные законодательные запреты по отношению к ним, они представляют себя защитниками государства, привлекая избирателей.

Говоря о статье в целом, ключевым словосочетанием является *politics of fear*, причем автор разграничивает понятия *politics of fear* и *political fear*. Возможно, *politics of fear* – это собственно политика, имеющая цель вызвать страх, а также различные методы и рычаги давления, а *political fear* – это результат успешно проведенной политики, т. е. страх, который появился у людей вследствие политики «устрашения».

Заключение. Итак, мы выделили 24 актуальных семантических компонента, функционирующих в политическом миграционном дискурсе. Такое обилие семантических компонентов подчёркивает сложность и развитие семантического потенциала концепта FEAR. Отметим наличие противоречащих друг другу семантических компонентов: *эмоция, объединяющая людей в общую группу* и *эмоция, разделяющая общество*, что говорит о его многоаспектности. В политическом миграционном дискурсе страх рассматривается как инструмент формирования миграционной политики, цель которой – вызвать у граждан чувство недоверия к мигрантам, что приводит к ужесточению миграционной политики и снижению миграционных потоков в государстве. В проанализированных примерах обнаружены контекстуальные синонимы: *power*, *social trigger*, *powerful catalyst*: *power* – заполняет пустоту в обществе; *social trigger* – эмоциональная реакция на внешние раздражители; *powerful catalyst* – стимулирует изменения в обществе и миропонимании. Обратив внимание на подгруппу *Миграция* политической группы, отметим, что ключевое слово во всех семантических компонентах – инструмент. Следовательно, страх определяется в политическом миграционном дискурсе как инструмент формирования миграционной политики, определяющий позицию общества в отношении мигрантов, а также негативный образ мигрантов в сознании общества с помощью манипулирования общественным мнением; политический инструмент против мигрантов и инструмент для успешной выборной кампании, основанный на действиях, ограничивающих миграционные потоки. В подгруппе *Власть* этой же группы страх представлен как важный и значимый элемент политики в целом, а также олицетворяется в некоторых примерах и выступает в качестве живого существа. Страх используется государством в качестве инструмента манипулирования обществом для исполнения государственных целей.

Среди особенностей перевода политического миграционного дискурса можно выделить следующие переводческие трансформации: изменение порядка слов в предложении, использование антонимического перевода, опущение, использование грамматической замены. Также среди трудностей отметим явление несоответствия или частичного соответствия семантического потенциала русских и английских слов. Для политического миграционного дискурса характерно обилие сложных предложений с несколькими грамматическими основами, полисемичной лексикой и нестандартных адъективных словосочетаний. Миграционный политический дискурс обладает и своей стилистикой, используются такие приемы как метафора, олицетворение, сравнение, обобщение, эпитеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gundogmus B., Mete M. The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment // J. of Erciyes Communication. 2024. Vol. 11, iss. 1. P. 61–80. DOI: 10.17680/erciyesiletisim.1352206.
2. Зубарева Е. О. Актуальные проблемы лингвистики. Лингвистическое моделирование концептуального поля МИГРАЦИЯ. Пермь: ПГНИУ, 2024.
3. Мукомель В. И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. М.: Диполь, 2005.
4. Панарина А. С., Пищальникова В. А., Радченко О. А. Этнопсихолингвистика как теоретико-методологическая база миграционной лингвистики // Этнопсихолингвистика. 2022. № 4 (11). С. 7–27. DOI: 10.31249/epl/2022.04.01.
5. Арекеева Ю. Е. Философское осмысление оппозиции «СВОЙ-ЧУЖОЙ» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 31–38.
6. Шустова С. В., Романова А. И. Категория лингвистической дискриминации // Миграционная лингвистика. 2024. № 6. С. 4–21.
7. Зубарева Е. О., Колегова А. А. Синтагматическая модель концепта TRAVELLER в британском и американском вариантах английского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 6–18.
8. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2018. Т. 4, № 2. С. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125.
9. Van Dijk T. A. Discourse and Migration // Qualitative Research in European Migration Studies / Zapata-Barrero, R. and Yalaz, E. (ed.), Cham: Springer, 2018. P. 227–245. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13.
10. Демьянков В. З. Английские термины и русские эквиваленты // Тетради новых терминов. 1982. № 2. С. 7–8.
11. Зубарева Е. О. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. 2019. №1. С. 23–42.
12. Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции // Вестн. общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 48–57.
13. Woordhunt. URL: <https://woordhunt.ru/> (дата обращения: 01.09.2024).
14. Lexicon of Psychology – Terms, Treatments, Biographies, URL: <https://www.psychology-lexicon.com/cms/glossary/39-glossary-f/426-fear.html?highlight=WylmZWfYliwiZmVhcmZ1bClslmZlYXJmdWxuZXNzliwiZmVhcmVkliwiZmVhcnMiLClnZmVhciciLCJmZWfyaW5nIl0=> (дата обращения: 08.08.2024).
15. Cooley C. H. Genius, Fame and the Comparison of Races // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1897. Vol. 9, iss. 3. P. 317–358. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716297009003>.
16. Дубравин Д. Психология эмоций: чувства под контролем. Киев: Агенция «Айпио», 2015.
17. Антинази А. Энциклопедия социологии. 2009. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (дата обращения: 20.10.2024).
18. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 9. М.: Наука, 2007.
19. Oxford Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/fear_1?q=fear (дата обращения: 01.09.2024).
20. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fear> (дата обращения: 01.09.2024).

Информация об авторах.

Зубарева Екатерина Олеговна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета

университета, Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор 41 научной публикации. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, миграционная лингвистика, лексикографирование.

Шустова Светлана Викторовна – доктор филологических наук (2011), профессор (2019), профессор кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета, Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор 306 научной публикации. Сфера научных интересов: функциональная грамматика, теория семантической валентности, теория семантического синкретизма, лингвокультурология, лингвистическая прагматика, прагмалингводидактика, дискурсология, паремиология, миграционная лингвистика.

Гавшина Алина Геннадьевна – студентка (3-й курс) кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета, Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, миграционная лингвистика, теория перевода.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.01.2025; принята после рецензирования 28.02.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.

REFERENCES

1. Gundogmus, B. and Mete, M. (2024), "The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment", *J. of Erciyes Communication*, vol. 11, iss. 1, pp. 61–80. DOI: 10.17680/erciyesiletisim.1352206.
2. Zubareva, E.O. (2024), *Aktual'nye problemy lingvistiki. Lingvisticheskoe modelirovanie kontseptual'nogo polya MIGRATSIIYA* [Actual problems of linguistics. Linguistic modeling of the MIGRATION conceptual field], Perm State University, Perm', RUS.
3. Mukomel', V.I. (2005), *Migratsionnaya politika Rossii: Postsovetskie konteksty* [Migration policy of Russia: Post-Soviet contexts], Dipol', Moscow, RUS.
4. Panarina, A.S., Pishchalnikova, V.A. and Radchenko, O.A. (2022), "Ethnopsycholinguistics as a theoretical and methodological basis for migration linguistics", *Ethnopsycholinguistics*, no. 4 (11), pp. 7–27. DOI: 10.31249/epl/2022.04.01.
5. Arekeeva, Ju.E. (2023), "Philosophical Understanding of the Opposition "Friend - Foe"", *Eurasian Humanitarian J.*, no. 2, pp. 31–38.
6. Shustova, S.V. and Romanova, A.I. (2024), "The category of linguistic discrimination in migration discourse", *Migration linguistics*, no. 6, pp. 4–21.
7. Zubareva, E.O. and Kolegova, A.A. (2024), "The syntagmatic model of the concept traveller in the British and American variants of the English language", *Eurasian Humanitarian J.*, no. 1, pp. 6–18.
8. Shustova, S.V. (2018), "Migration linguistics and migration discourse", *Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 4, no. 2, pp. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125.
9. Van Dijk, T.A. (2018), "Discourse and Migration", *Qualitative Research in European Migration Studies*, Zapata-Barrero, R. and Yalaz, E. (eds.), Springer, Cham, UK, pp. 227–245. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13.
10. Dem'yankov, V.Z. (1982), "English terms and Russian equivalents", *Tetrad' novy'x terminov* [Notebooks of new terms], no. 2, pp. 7–8.
11. Zubareva, E.O. and Shustova, S.V. (2019), "Syntagmatic analysis of the concept migration (on the material of corpus)", *Migration Linguistics*, no. 1, pp. 23–42.
12. Mukomel', V.I. (2005), "Russian discourses on migration", *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no. 1, pp. 48–57.
13. *Woordhunt*, available at: <https://woordhunt.ru/> (accessed 01.09.2025).

14. *Lexicon of Psychology – Terms, Treatments, Biographies*, available at: <https://www.psychology-lexicon.com/cms/glossary/39-glossary-f/426-fear.html?highlight=WYJmZWfYliwiZmVhcmZ1bClImZlYXJmdWxuZXNzliwiZmVhcmVkliwiZmVhcnMlLClnZmVhciciLCJmZWfyaW5nIl0=> (accessed 08.08.2024).
15. Cooley, C.H. (1897), "Genius, Fame and the Comparison of Races", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 9, iss. 3, pp. 317–358. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716297009003>.
16. Dubravin, D. (2015), *Psikhologiya emotsii: chuvstva pod kontrolem* [Psychology of emotions: feelings under control], Agentsiya "Aipio", Kiev, UKR.
17. Antinazi, A. (2009), *Entsiklopediya sotsiologii* [Encyclopedia of Sociology], available at: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (accessed 20.10.2024).
18. Gorbachevich, K.S. (2007), *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian language], vol. 9, Nauka, Moscow, RUS.
19. *Oxford Learner's Dictionaries*, available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/fear_1?q=fear (accessed 01.09.2024).
20. *Cambridge Dictionary*, available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fear> (accessed 01.09.2024).

Information about the authors.

Ekaterina O. Zubareva – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of over 41 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, semantics, migration linguistics, lexicography.

Svetlana V. Shustova – Dr. Sci. (Philology, 2011), Professor (2019), Professor at the Department of Linguistics and Translation, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of over 306 scientific publications. Area of expertise: functional grammar, theory of semantic valence, theory of semantic syncretism, linguoculturology, linguistic pragmatics, pragmalinguodidactics, discursology, paremiology, migration linguistics.

Alina G. Gavshina – Student (3rd year) at the Department of Linguistics and Translation, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. Area of expertise: cognitive linguistics, semantics, migration linguistics, theory of translation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.01.2025; adopted after review 28.02.2025; published online 19.06.2025.*